

Марсианская утопия в русском спиритуализме конца XIX – начала XX в.

Владислав С. Раздьяконов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, razdyakonov.vladislav@gmail.com*

Аннотация. В фокус внимания исследования поставлены представления о Марсе русских спиритуалистов конца XIX – начала XX в. Цель исследования – выяснить, основываясь на русскоязычном материале, почему спиритуалисты обратили внимание на Марс как на средство легитимации веры в существование духовного мира. Задачи исследования – показать, какие научные представления делали вероятным существование на Марсе высокоразвитой цивилизации; указать авторитетные духовные сочинения, повлиявшие на интерес спиритуалистов к космологической проблематике; раскрыть особенности интерпретации спиритуалистами сообщений о существовании на Марсе высокоразвитой цивилизации; рассмотреть преломление космологической темы в сочинениях русского спиритуалиста И.А. Карышева. Автор утверждает, что интерес к Марсу может быть объяснен сходным характером эпистемологических проблем, с которыми сталкивались спиритуалисты и астрономы, стремившиеся в позитивистскую эпоху доказать реальность существования трудноуловимых явлений природы. Именно это обстоятельство обеспечило Марсу место в популярной научной, художественной и спиритуалистической литературе. Автор показывает, что, хотя фидеистическая точка зрения была распространена среди спиритуалистов, некоторые из них утверждали необходимость демифологизации получаемых ими духовных сообщений о Марсе. Космологическая система И.А. Карышева представляет безусловный интерес для историка религии как пример спиритуалистического конструирования отечественной планетарной утопии. Как показывает пример И.А. Карышева, русская специфика спиритуалистического отношения к Марсу заключалась в синкретизме спиритуалистической традиции и православных представлений об устройстве космоса.

Ключевые слова: спиритуализм, история религии, астрономия, Марс, И.А. Карышев

Для цитирования: Раздьяконов В.С. Марсианская утопия в русском спиритуализме конца XIX – начала XX в. // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 5. № 3. С. 63–79. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-63-79

Martian theme in Russian modern spiritualism movement in the late 19th – early 20th centuries

Vladislav S. Razdyakonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, razdyakonov.vladislav@gmail.com*

Abstract. The paper investigates spiritualistic perception of Mars by Russian spiritualists in the late nineteenth and early twentieth centuries. It determines historical and cultural specificity of spiritualist attitude to Mars and its Russian background enrooted in the orthodox tradition. The paper overviews popular scientific concepts, which made probable the existence of a highly developed civilization on Mars; it indicates the authoritative spiritual works, which influenced the interest of Russian spiritualists to cosmological problems; it reveals spiritualistic interpretation of spirit messages about the existence of a highly developed civilization on Mars; it considers the cosmological Martian theme in the works of Russian spiritualist I.A. Karyshev. The author argues that the interest in Mars should be explained by the similar nature of epistemological problems encountered by both spiritualists and astronomers. Elusiveness of natural phenomena in positivistic age was the reason that secured Mars a certain place in popular scientific, artistic and spiritualist literature. Although the fideistic view was common among spiritualists, the author claims, that some of them argued for the need to demythologize the spirit messages. I.A. Karyshev's cosmological system is of interest to the historian of religion as an example of spiritualist construction of Russian planetary utopia and can rightfully take its place in the history of Russian utopian literature.

Keywords: spiritualism, history of religion, astronomy, Mars, I.A. Karyshev

For citation: Razdyakonov, V.S. (2022), "Martian theme in Russian modern spiritualism movement in the late 19th – early 20th centuries", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 3, pp. 63–79, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-63-79

«По самой сущности вещей общее между нашим и “иным” мирами должно носить исключительно психологический характер. “Иной” мир не может находиться ни на севере, ни на юге, ни на западе, ни на востоке: он должен быть *состоянием сознания*»¹.

Марс как планетарная утопия XIX столетия

Категория «утопия» и определение «утопического» неоднократно становились в фокус внимания исследователей, изучавших феномен в разных его аспектах – культурологическом, социологическом, психологическом и литературоведческом [Утопия и утопическое мышление 1991; Мангейм 1994; Bauman 1976; Jameson 2005; Kumar 1987]. В настоящем исследовании утопия будет рассматриваться прежде всего как предмет социального желания, имеющий сложившуюся топику и архитеконику, обеспечивающие его воспроизводимость и системность на протяжении истории человечества. Генезис утопии как особого жанра литературы уходит корнями в мифологию, говорившую о «золотом веке» и обещающую исполнение миллениальных чаяний в будущем. Утопическое мышление и рожденная им новоевропейская утопическая литература являются средством переживания изменения социального порядка и попыткой его моделирования при помощи литературных средств.

Одним из ключевых факторов бурного развития утопической литературы во второй половине XIX столетия следует считать изменение научно-технического и, как следствие, общественного уклада жителей больших городов стран Европы и США. Во-первых, внедрение в повседневную жизнь новых изобретений, например телеграфа, ломало устоявшиеся представления о пределах человеческой коммуникации. Во-вторых, продолжающаяся урбанизация привела к атомизации социальной жизни, сопровождавшейся разрушением социальных связей и проблематизировавшей существование таких социальных институтов, как семья и церковь. В-третьих, формирование медиа как независимого социального института способствовало широкой популяризации достижений науки. Благодаря влиянию этих факторов наука как социальный институт и технология как основной продукт этого института ста-

¹ А. и Б. Профессор Флурнуа и Елена Смит // Ребус. 1902. № 52. С. 482.

новились для широкой публики средством выхода из ситуации социального кризиса и воплощения в жизнь утопических проектов.

Планетарная утопия была одним из хорошо опробованных в европейской литературной традиции разновидностей утопической топики. Во второй половине XIX в. благодаря новым научным открытиям и технологиям появился новый литературный жанр – научная фантастика, говоривший лишь о том, что было возможным с научной точки зрения. Существование жизни на других планетах Солнечной системы не только не считалось наукой того времени невозможным, но скорее считалось вероятным. Эпистемологической особенностью фантастической планетарной утопии конца XIX – начала XX в. стала степень ее вероятности – она уже не считалась всего лишь плодом отвлеченного воображения и еще не считалась научно проверенными данными. Планетарная утопия, приобретая большую степень вероятности, оказалась на стыке научного и художественного дискурсов, став привлекательным местом для проекции социального желания в эпоху высокого авторитета науки.

Марс стал популярным местом для размещения планетарной утопии [Crossley 2011, pp. 90–109], потому что существование жизни на нем считалось более вероятным, чем на других планетах. Еще в конце XVIII в. Уильям Гершель (1738–1822), на протяжении многих лет стремившийся доказать существование жизни за пределами Земли, выдвинул гипотезу о существовании на Марсе полярных шапок и предположил наличие на Марсе умеренной и сходной с земной атмосферы [Markley 2005, pp. 47–49]. Благодаря методу спектрального анализа было открыто химическое единство Вселенной, вследствие чего повышалась вероятность ее биологического единства. В 1867 г. наличие на Марсе воды было «подтверждено» в исследованиях французского астронома Пьера Жансена (1824–1907) и, хотя его доказательства не были признаны достаточно убедительными, они давали пищу для размышления всем тем, кто надеялся встретить в космосе братьев по разуму. Гипотеза о том, что на Марсе существует разумная цивилизация, также была подкреплена некоторыми наблюдениями. Вклад со стороны астрономической науки в эту гипотезу, хотя и невольный, был сделан итальянским астрономом Джованни Скиапарелли (1835–1910), который обнаружил в 1877 г. на Марсе «каналы», которые могли иметь не только искусственное, но и рукотворное происхождение. Самым известным защитником этой гипотезы стал американский астроном-любитель Персиваль Лоуэлл (1855–1916), посвятивший значительную часть жизни ее доказательству [Hetherington 1981, pp. 159–161]. Поскольку Марс считался более древней планетой, чем Земля, именно там находилось подходящее

место для реконструкции планетарной утопии: «Как и любой другой образованный европеец своего времени, Фламмарион верил, что дальнейшее развитие цивилизации приведет к Золотому веку, к осуществленной Утопии, научно-технический прогресс решит основные проблемы человечества... а на Марсе, стало быть, это уже произошло» [Первушин 2006, с. 56].

Благодаря научной популяризации и дискуссиям о существовании внеземной жизни к концу XIX столетия Марс стал сложным культурным феноменом, располагающимся на стыке художественного, научного и духовного дискурсов. В этот исторический период инопланетяне стали для массового сознания играть ту же роль, что и духи в традиционном фольклоре, – впоследствии этот тренд получит свое полное воплощение в религиозной литературе Нового века². Ярким примером, свидетельствующим о переходном характере этой эпохи, стала спиритуалистическая марсианская литература, утверждавшая, что духи – это жители иных планет.

Вера и практика демифологизации в русском спиритуализме

Астрономия, в отличие от биологии, в ту эпоху не вступала в жесткое противостояние с религией. Возможное существование жизни на других планетах было вызовом для христианской теологии ввиду характерного для нее представления об исключительном характере божественного откровения. В то же время среди астрономов было распространено мнение о том, что благой, всемогущий и разумный Бог не мог создать необычайно большую, но пустую Вселенную, предназначив ее исключительно для человечества [Crowe 2001, p. 212]. Хотя представители крупных христианских церквей были осторожны в суждениях по этому вопросу, нетрадиционные религиозные идеи находили выражение в художественной литературе, к примеру, в сочинении Джеймса Кована Христос воплощался на Марсе³. Примечательным культурным феноменом, возникшим на пересечении научного и религиозного дискурсов, стала традиция французской спиритуалистической космологии, представители которой – Камиль Фламмарион, Андре Пеццани, Луи Фигье, Виктор Жирар и другие – связывали существование

² *Patridge C.* Channeling extraterrestrials. Theosophical discourse in the Space Age // *Handbook of spiritualism and channeling* / Ed. by C. Gutierrez. Vol. 9. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 390–417.

³ *Cowan J.* Daybreak. A romance of an Old World. N.Y.: G.H. Richmond & Co., 1896. 399 p.

инопланетной жизни с доктриной перерождения души [Crowe 1999, pp. 408–409].

Марсианская тема играла значимую роль в спиритуалистическом дискурсе благодаря влиянию европейской традиции планетарной мистики, непосредственно восходящей к сочинениям Эммануила Сведенборга. Основатель спиритизма Аллан Кардек и влиятельный американский спиритуалист Андрей Джексон Дэвис, ссылаясь на слова медиумов и собственный визионерский опыт, говорили о жизни на других планетах. Широкое распространение этот взгляд получил благодаря популяризаторской художественной деятельности астронома-спиритуалиста К. Фламмариона, известного в том числе его большим трудом «Планета Марс и условия обитания на ней» (1892). Обращение Фламмариона к поиску жизни на других планетах еще в 1860-е гг. совпало с расцветом материалистической философии и стало коллективистским противоядием против ее индивидуалистических и одновременно нигилистических выводов. Согласно точному замечанию неизвестного автора предисловия к одному из его сочинений, Фламмарион верно указал «на коллективное вселенское человечество, в котором мы, люди Земли, занимаем очень невысокое место»⁴. Таким же противоядием против человеческой самонадеянности и материалистической «болезни» считали свои исследования спиритуалисты, поставившие перед собой цель доказать по меньшей мере возможность сохранения человеческой индивидуальности после смерти физического тела.

Спиритуалисты различным образом определяли место Марса в духовной космологии. К примеру, Кардек считал, что Марс был менее развитой планетой, чем Земля, и следующей ступенью совершенствования человека объявлял Венеру. Дэвис, напротив, говорил о том, что жители Марса более развиты, чем жители Земли. Этот спор вполне соотносился с устоявшимися в европейской традиции противоположными мнениями [Первушин 2006, с. 44]. На рубеже XIX–XX вв. среди спиритуалистов большей популярностью пользовалась вторая точка зрения, основанная на различных астрономических открытиях и популярной художественной литературе. Хорошо известный спиритуалистам Восточной Европы немецкий философ Карл Дюпрель (1839–1899) в своем фундаментальном труде «Философия мистики» (1885) допускал существование на Марсе высокоразвитой цивилизации⁵.

⁴ Фламмарион К. Многочисленность обитаемых миров. СПб.: А.П. Коломнин, 1896. С. V.

⁵ Дюпрель К. Философия мистики / Пер. с нем. М.С. Аксенова. СПб.: Изд. А.Н. Аксакова, 1895. 613 с.

Спиритуалистическая практика получения посланий от жителей других планет была поставлена в центр внимания широкой публики благодаря исследованиям психологов, интересовавшихся медиумами в связи с разработкой концепций множественной личности и бессознательного. В 1900 г. швейцарский психолог Теодор Флурнуа опубликовал резонансное исследование медиума Елены Смит, рассказывавшей о ее предыдущих жизнях, в том числе и на планете Марс. Флурнуа выделил главные художественные темы в ее сообщениях и в конечном счете редуцировал их генезис к психике медиума [Shamdasani 1994, pp. XI–LI].

Реакции спиритуалистов на исследование Флурнуа были двойственны. С одной стороны, среди спиритуалистов были последовательные фидеисты, считавшие, что выводы швейцарского психолога ставят под сомнение их убеждения. С другой стороны, некоторые спиритуалисты приветствовали исследование Флурнуа как знак, свидетельствующий о внимании академической науки к медиумизму. Они также не были согласны с его выводами, но симпатизировали его мифологической критике, считая неприемлемой позицию «верующих», принимавших «на веру» содержание получаемых сообщений. С их точки зрения, о подлинной реальности ничего нельзя было сказать при помощи образов и символов, а ее постижение объявлялось возможным лишь с помощью телепатии как универсального языка духовного общения. Практика демифологизации духовных сообщений позволяла согласовывать те из них, которые противоречили друг другу. Мифологический нарратив воспринимался некоторыми спиритуалистами как искаженное сознанием медиума послание, а также мог быть объявлен всего лишь результатом работы бессознательной части психики. При этом спиритуалисты не отрицали возможности общения с жителями других планет: «Мы можем представить себе землю населенной такою расою, которая нашла средство завязать отношения с обитателями Марса или таким существом, которое обладает сознательною принадлежностью к этому миру и загробному, которые теперь считаются отдельными мирами, благодаря порогу нашего сознания»⁶.

Характерны отзывы известных русских спиритуалистов об исследовании Флурнуа. Александра Ивановна Боброва, критикуя Флурнуа за редуccionизм, была готова согласиться с тем, что жизнеописания духов на Марсе не имеют для спиритуалистов значения: «ни один ум не дойдет до такого абсурда, чтобы принимать за истину ее планетарные экскурсии»⁷. Также, осуждая Флурнуа,

⁶ Дюпрель К. Как я сделался спиритистом // Ребус. 1893. № 40. С. 382.

⁷ А. и Б. Указ. соч. С. 482.

Мария Петровна Сабурова писала о том, что «откровения и явления медиумизма исходят из иной области, а не получаются с планет, таких же материальных тел, как и наша земля»⁸. Когда первые сообщения медиумов И.А. Карышева появились на страницах спиритуалистического издания «Ребус», редакция осторожно высказалась об их «художественности»⁹. Другой журнал «Спиритуалист» в ответ на прагматичный вопрос подписчика о том, куда же «переходят» духи после развоплощения – на Венеру «по Кардеку» или на Марс «по Карышеву», – указывал на праздность этого несущественного для спиритуалистической метафизики вопроса¹⁰. Конкретное местоположение духа и описания его посмертного существования не считались такими спиритуалистами важными настолько, насколько важным представлялось им знание законов духовного мира и его нравственных требований. Практика демифологизации, характерная для рационалистически и критически настроенных спиритуалистов, свидетельствует о том, что утопия не воспринималась ими исключительно как предмет веры, скорее она объявлялась социальным проектом, у которого была единая метафизическая основа, но могли быть разные мифологические описания.

Представления о рае и утопии в русском спиритуализме

В корпусе текстов русского спиритуализма можно отметить всего два значимых источника, в которых разработана подробно марсианская тема. Во-первых, она была осмыслена в творчестве Веры Ивановны Крыжановской – известного автора беллетристических произведений, участника разных спиритуалистических обществ и практикующего медиума. Ее романы позиционировались на рынке как «введение в изучение оккультных наук», а о некоторых из них говорилось, что они написаны при помощи автоматического письма. Как следствие, ее произведения следует отнести одновременно к художественной и религиозной литературе, указывая одновременно на характерное для той эпохи начало коммерциализации и медиатизации переживания сверхъестественного [Natale 2016].

⁸ Сабурова М. Кое-что по поводу книги Флурнуа «Из Индии на планету Марс» // Ребус. 1901. № 48. С. 430.

⁹ От редакции // Ребус. 1900. № 29. С. 253.

¹⁰ Ответы на вопросы подписчиков // Голос всеобщей любви. 1907. № 48. С. 783–784.

В романе «На соседней планете» (1903) В.И. Крыжановская изобразила быт и нравы различных марсианских рас, пользуясь характерными тропами исторических романов того времени и популярной этнографической литературой, описывавшей устройство малоизвестных европейскому читателю народов и культур. В предисловии к роману, ссылаясь на К. Фламариона, она заявляла, что ее повествование не говорит о чем-то невозможном: «пока ученые нашей планеты еще обмениваются депешами с учеными Марса, поэту дозволяется уже теперь перелететь пространство»¹¹. В дальнейшем В.И. Крыжановская регулярно прибегала к космологической теме, нашедшей свое законченное выражение в романе «В ином мире», описывавшем жизнь на Венере, а также в пенталогии «Маги» [Егоров 2007, с. 370–374]. Учитывая беллетристический характер произведений В.И. Крыжановской, а также ее критическое отношение к спиритуализму, в настоящем исследовании ее сочинения рассматриваться не будут как недостаточно репрезентативные для спиритуалистической утопии.

Во-вторых, марсианская и, шире, космологическая тематика была представлена в трилогии известного русского спиритуалиста Ивана Александровича Карышева «Бог неопровержим наукой». В своей трилогии Карышев стремился показать, что наука не только не опровергает существование Бога и духовного мира, но также подтверждает верность духовной гипотезы. В третьем томе «Сущность жизни» (1899) И.А. Карышев, по всей вероятности, со слов своих медиумов рассказывал о пребывании духов на других планетах Солнечной системы. Сочинение можно охарактеризовать как пример духовной спиритуалистической литературы, наглядно представляющей то, как русские спиритуалисты мыслили идеальное социальное устройство загробного мира. Это сочинение может по праву занять место среди других произведений утопической мистической литературы конца XIX – начала XX в. и является репрезентативным примером русской спиритуалистической утопии.

Следует отметить, что И.А. Карышев считался одним из наиболее известных русских спиритуалистов, что позволило В.П. Быкову говорить даже о существовании особого «карышевского» толка в русском спиритуализме. По своим религиозным убеждениям И.А. Карышев был православным христианином, стремившимся совместить основные положения спиритуалистической метафизики и христианскую доктрину. Ключевой космологической проблемой для такого христианско-спиритуалистического синтеза

¹¹ Крыжановская В.И. На соседней планете. СПб.: Типо-лит. В.В. Комарова, 1903. С. 5.

были статичные христианские концепции «ада» и «рая», которые не соответствовали прогрессистской спиритуалистической метафизике. Для настоящего исследования больший интерес представляет именно «рай», поскольку он является одним из ранних мифологических субститутов утопии.

Спиритуалистическая космология обычно опиралась на известное научное представление о бесконечности Вселенной. Как следствие, рай – как мифологический субститут метафизической идеи совершенства, блага и красоты – становился местом, к которому спиритуалист постоянно приближался, но не мог его достигнуть, подобно тому, как Ахиллес в известной апории никак не может догнать черепаху. Иными словами, рай объявлялся реальным, но существующим не актуально, а потенциально – он был не тем, что есть, а тем, что исключительно будет. В конечном счете, рай лишался своего места в космологии и переносился в область телеологии – это было не столько место, в которое можно было попасть, но лишь место, в которое должно было стремиться. В то же время спиритуалисты верили в реальное существование духовного центра Вселенной. Этот духовный центр существовал обычно в альтернативном современной физической космологии пространстве – в духовном измерении физического мира, разделенном на духовные сферы.

Особенность космологии И.А. Карышева заключалась в том, что она была закрытой: с его точки зрения, Вселенная была конечной и имела свой физический и одновременно духовный центр. Центром мира И.А. Карышев объявлял «престол Бога», по достижении которого душа останавливалась в своем развитии, погружаясь в его созерцание: «Всякий, кто только устаивается хотя издали видеть обитель Бога Живого, видит ее всегда окруженной десятью самыми величественными и поражающе красивыми солнечными Системами, которые в некотором отдалении от Обители Божией совершают свой правильный, медленный и торжественный кругооборот кругом Нее»¹². Девять из этих солнечных систем являлись местами пребывания девяти чинов ангелов, а десятая была предназначена для пресвятой Девы Марии с подвластными ей Ангелами-хранителями.

Описания «рая», с одной стороны, признавались И.А. Карышевым относительными сознания человека, к примеру, он писал, что знаменитый Эдемский сад – это лишь метафора рая, а каков он на самом деле, знать невозможно: «Многие угодники Божии новозаветной Церкви видели рай – садом, он и в действительности

¹² *Карышев И.А.* Сущность жизни. СПб.: Т-во худож. печати, 1899. С. 27–28.

таков, но вещество его и природа также соответствует естеству его жителей – духов, и потому рай недоступен для наших чувств, огрубевших от глубокого падения»¹³. Спиритуалисты многие космологические проблемы рассматривали, апеллируя к устройству самого человека: «Рай и блаженство находятся в самом существе, в чистоте его непорочной и святой природы»¹⁴. С другой стороны, И.А. Карышев придерживался православной традиции и поэтому не мог прямо следовать тренду на демифологизацию духовных сообщений. И.А. Карышев принимал во внимание популярные православные христианские апокрифы, например, такие как видение рая святым Андреем, видение блаженной Феодоры (Житие преподобного Василия Нового) и видение Власия. Хотя видения и не следовало трактовать буквально, некоторый «отблеск» истинного – незамутненного человеческим тусклым сознанием – «рая» через них проглядывал. Такая двойственная интерпретация христианских апокрифов, сюжетов и мифов была частью характерного для спиритуалистов тренда на «онаучивание» мифологии – расколдовывание мифа заключалось в признании его реальной основы. Учитывая это обстоятельство, трудно найти место для сочинения Карышева – оно находится на стыке духовной и художественной литературы, претендуя на реальность выраженной в нем метафизики и одновременно отрицая буквальную истинность предложенных в нем описаний.

Из всех планет Солнечной системы описания Марса в сочинении И.А. Карышева являются самыми подробными. Дважды И.А. Карышев сравнивал Марс с раем и, в конечном счете, именно Марс оказывался в его космологии ближайшим его прототипом. Марс И.А. Карышева представлял аграрную утопию, в которой машины были поставлены на службу человеку для того, чтобы обеспечивать его всем необходимым. В описании этой утопии нашли отражение многие волновавшие спиритуалистов темы – например, все марсиане были объявлены вегетарианцами, потому что насилие в принципе невозможно на Марсе; все сады, которые усердно возделывают марсиане, освещены в самую темную ночь светом растений; каждый марсианин имеет свой частный дом и обширный сад, а многоэтажные дома зарезервированы исключительно для фабрик и домов для коллективного воспитания детей; пожилые марсиане, прожив необычно долгую по земным меркам жизнь, перед смертью отправляются в комфортные дома для престарелых.

Главным отличием этой утопии от других подобных была духовная составляющая, поскольку на Марсе нет «никакого

¹³ Карышев И.А. Указ. соч. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 33.

начальства кроме слова Божьего», а каждый имеет возможность в «эфирной» плоти увидеть своего Ангела-хранителя, путешествовать в иные миры и получать наставления от самой Девы Марии. Как следствие, все жители Марса «необыкновенно религиозны» и начинают любое дело с того, чтобы испросить благословения у Бога и помощи Ангела-хранителя. Описание религиозности марсиан подтверждает мысль о том, что, вопреки широко распространенной точке зрения о «дворянском» характере этого движения, спиритуализм в России довольно скоро был интегрирован с народными верованиями и практиками. Как показывают различные примеры из истории русского спиритуализма, спиритуалисты часто обращались к медиумам из народа, и можно предположить, что медиумы И.А. Карышева также были из их числа.

Духи Марса: культурная эпистемология

С точки зрения культурной эпистемологии второй половины XIX столетия проблема существования жизни на Марсе и проблема доказательства существования человека после смерти физического тела были проблемами одного порядка. Обе проблемы – ввиду их гипотетической вероятности – считались академической наукой проблемами спекулятивными, т. е. такими, относительно которых можно было выдвигать соображения «за» и «против» без привлечения решающего аргумента. И та, и другая проблема ставила вопрос о существовании жизни за пределами известного науке космоса – тем самым они оказывались на границе между сферами компетенции науки и религии. Главной особенностью этой «пограничной области» была ее онтологическая неопределенность – для одних исследователей ее проблемы были реальны, для других – воображаемы. Именно эта «пограничная область» служила в Новое время главным источником авторитета для разных мистических традиций, чьи концепции и идеи Воутер Ханеграаф вслед за Джеймсом Уэббом обозначил как «отреченное знание» [Ханеграаф 2016, с. 5; Носачев 2015, с. 107].

Видения медиумов, в которых создавался субъективный образ Марса, пытались решить проблему достоверности астрономических данных – их духовные сообщения не только подтверждали мнение мистической традиции о его обитаемости, но и дополняли мнение современной им астрономии. Мистика некоторыми русскими спиритуалистами – ввиду их веры в истинность христианства – считалась областью, связанной с религией, но открытой для научного изучения, поэтому сообщения о жизни на Марсе – если

они не противоречили учению Церкви – рассматривались как по меньшей мере допустимые. И.А. Карышев, к примеру, настаивал на том, что в «божественном учении» Христа нет никакой мистики: «Можно сказать, что все нехристианские религии заключают в себе мистическое начало, но сказать, что мистицизм религиозен, нет никакой логической причины»¹⁵.

Факт, наблюдение, интерпретация – три излюбленных темы для дискуссий как в астрономии, так и в парапсихологии конца XIX в. С точки зрения онтологии, эти дискуссии были стимулированы учениями влиятельных философских традиций – второго психологического позитивизма, утверждавшего, что «факты» – это психологические феномены, и неокантианства, рассуждавшего о том, что познание природы есть одновременно познание самого себя, потому что сознание – это не только инструмент познания, но и его содержание, то есть сам космос. В равной степени и астрономы, и исследователи медиумических явлений возлагали надежды на фиксацию наблюдений при помощи фотоаппаратуры, пытаясь убедить публику в реальности увиденных ими явлений. Когда спиритуалисты говорили о невидимом мире духов, они обычно рассматривали его как часть естественной онтологии – тот мир при всей его «инаковости» одновременно был продолжением мира земного и – в определенной степени – ничто «земное» ему не было чуждо. Именно в единстве естественной онтологии можно усмотреть сходство между позицией спиритуалистов-исследователей и астрономов. Ключевое методологическое различие между астрономами и спиритуалистами заключалось в том, что первые полагались на приборы, в то время как вторые говорили об особых способностях человека как духа, неограниченного «материальными» органами чувств. Ясновидение было своего рода спиритуалистическим телескопом, позволяющим проникнуть в другие миры, а сам медиум – человеческой машиной, одаренной природой и Богом особыми способностями. Такой взгляд утвердился в русском спиритуализме в том числе благодаря влиянию Карла Дюпреля, использовавшего в своих рассуждениях о природе познания принцип органопроекции из сочинения «Основы философии техники» (1877) Эрнста Каппа (1808–1896).

Получение посланий с Марса было частью культурного тренда, задававшего тему исследований о возможности межпланетного сообщения. Английский исследователь Фрэнсис Гальтон (1822–1911) поставил вопрос с научной точки зрения, попытавшись понять, как мы могли бы догадаться о том, что инопланетная

¹⁵ Карышев И.А. Указ. соч. С. 21.

цивилизация посылает нам сигналы, – он стал одним из первых создателей искусственного марсианского языка и оригинальной марсианской мифологии. Художественная литература «создавала» переговорные устройства, посредством которых можно было бы общаться с Марсом. К примеру, в фантастическом сочинении Порфирия Инфантьева (1860–1913) так описан результат процесса дешифровки сообщения с Марса, переданного при помощи аппарата под названием «небесный телеграф»: «...и после непродолжительных усилий, к своему неописуемому удивлению, почти ужасу, разобрал следующее: “Вы прочли верно, господин Роша! Следите далее! Да здравствует разум!”»¹⁶. Общение с марсианами в художественной литературе могло описываться при помощи тех же тропов, что и общение с духами, – изначально герой Инфантьева считал, что его мистифицируют, что тут замешан Дьявол и, наконец, что изобретатель «небесного телеграфа» – волшебник. В конечном счете, объяснения здравого смысла, психологии, традиционной религии и даже оккультизма пали перед реальностью изначально невидимого глазу марсианина на том конце «небесного телеграфа».

Обратившись к описаниям спиритических сеансов, в том числе художественным, можно встретить описание опыта «ужаса», который испытывали спиритуалисты, работая с планшеткой или читая автоматические сообщения, в которых говорилось о том, что за ними наблюдает кто-то невидимый, знающий обо всех их мыслях. Однако у этого опыта, возникающего на этом конце духовного телеграфа, ужаса перед лицом невидимых сил и существ, была обратная положительная сторона – осмысленность текста, достигаемая посредством его дешифровки, которая подтверждала существование жизни во Вселенной после смерти физического тела. На лоне бесконечной и, казалось, безжалостной природы человек оказывался неодиноким, а ее безграничные космические просторы обретали цель – развитие жизни.

Фантастика открывала для спиритуалистов перспективу синтеза с духовной литературой, потому что она делала возможным существование того, о чем наука ничего не знала, но вероятность чего ею никогда не отрицалась. Именно гипотетический характер фантастической планетарной утопии обеспечил ее популярность среди спиритуалистов, считавших, что духовный мир является частью Творения. Фантастика не отрицала и не противопоставлялась духовной литературе, она всего лишь придавала ей необходимую научную легитимность – духи располагались в области

¹⁶ *Инфантьев П.П.* На другой планете: Повесть из жизни обитателей Марса. Новгород: Губ. тип., 1901. С. 22.

вероятного, там же, где располагались жители других планет. Жанр планетарной утопии стал идеальным средством для выражения социальных чаяний спиритуалистов в эпоху активного изменения социального и технического уклада.

Литература

- Егоров 2007 – *Егоров Б.Ф.* Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство–СПБ, 2007. 414 с.
- Мангейм 1994 – *Мангейм К.* Идеология и утопия // Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 7–276.
- Носачев 2015 – *Носачев П.Г.* «Отреченное знание». Изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века. М.: ПСТГУ, 2015. 334 с.
- Первушин 2006 – *Первушин А.И.* Завоевание Марса: Марсианские хроники эпохи великого противостояния. М.: Эксмо, 2006. 509 с.
- Утопия и утопическое мышление 1991 – Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: Пер. с разных яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
- Ханеграаф 2016 – *Ханеграаф В.Я.* Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся / Пер. с англ. Е. Зори. М.: Центр книги Рудомино, 2016. 256 с.
- Bauman 1976 – *Bauman Z.* Socialism. The active utopia (Routledge revivals). N.Y.: Holmes and Meier, 1976. 154 p.
- Crossley 2011 – *Crossley R.* Imagining Mars: A literary history. Middletown, Connecticut: Wesleyan Univ. Press, 2011. 396 p.
- Crowe 1999 – *Crowe M.J.* The extraterrestrial life debate, 1750–1900. Mineola; N.Y.: Dover Publications, 1999. 680 p.
- Crowe 2001 – *Crowe M.J.* Astronomy and religion (1780–1915). Four case studies involving ideas of extraterrestrial life // *Osiris*. 2001. Vol. 16. P. 209–226.
- Jameson 2005 – *Jameson F.* Archaeologies of the future. The desire called Utopia and other science fictions. L.; N.Y.: Verso, 2005. 431 p.
- Hetherington 1981 – *Hetherington N.S.* Percival Lowell. Professional scientist or interloper? // *Journal of the History of Ideas*. 1981. Vol. 42 (1). P. 159–161.
- Kumar 1987 – *Kumar K.* Utopia and anti-utopia in Modern Times. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 506 p.
- Markley 2005 – *Markley R.* Dying planet. Mars in science and the imagination. Durham, N.C.; L.: Duke University Press, 2005. 456 p.
- Natale 2016 – *Natale S.* Supernatural entertainments. Victorian spiritualism and the rise of Modern media culture. Philadelphia, Pennsylvania: The Pennsylvania University Press, 2016. 248 p.

Shamdasani 1994 – *Shamdasani S.* Introduction. Encountering Hélène. Théodore Flournoy and the genesis of subliminal psychology // Flournoy T. From India to the planet Mars. A case of multiple personality with imaginary languages / Ed. by S. Shamdasani. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3–8.

References

- Bauman, Z. (1976), *Socialism. The active utopia*, Holmes and Meier, New York, USA.
- Chalikova, V.A. (comp., ed.) (1991), *Utopia i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoi literatury* [Utopia and utopian thought. Anthology of foreign literature], Progress, Moscow, USSR.
- Crossley, R. (2011), *Imagining Mars: A literary history*, Wesleyan University Press, Middletown, Connecticut, USA.
- Crowe, M.J. (1999), *The extraterrestrial life debate, 1750–1900*, Dover Publications, Mineola, New York, USA.
- Crowe, M.J. (2001), “Astronomy and religion (1780–1915). Four case studies involving ideas of extraterrestrial life”, *Osiris*, vol. 16, pp. 209–226.
- Egorov, B.F. (2007), *Rossiiskie utopii: istoricheskii putevoditel'* [Russian utopias. A historical guide], Iskustvo–SPB, Sankt Petersburg, Russia.
- Jameson, F. (2005), *Archaeologies of the future. The desire called Utopia and other science fictions*, Verso, London, UK, New York, USA.
- Hanegraaff, W.Ya. (2016), *Zapadnyi ezoterizm. Putevoditel' dlya zaputavshihsya* [Western esotericism. A guide for the perplexed], Rudomino, Moscow, Russia.
- Hetherington, N.S. (1981), “Percival Lowell. Professional scientist or interloper?”, *Journal of the History of Ideas*, vol. 42, no. 1, pp. 159–161.
- Kumar, K. (1987), *Utopia and anti-utopia in Modern Times*, Basil Blackwell, Oxford, UK.
- Mannheim, K. (1994), “Ideology and utopia”, in *Izbrannoe. Diagnostika nashego vremeni* [Selected works. Diagnosis of our times], Yurist, Moscow, Russia, pp. 7–276.
- Markley, R. (2005), *Dying planet. Mars in science and the imagination*, Duke University Press, Durham, USA, London, UK.
- Natale, S. (2016), *Supernatural entertainments. Victorian spiritualism and the rise of Modern media culture*, Pennsylvania University Press, Philadelphia, Pennsylvania, USA.
- Nosachev, P.G. (2015), “Otrechennoe Znanie”. *Izuchenie marginalnoy religioznosti v 20 i nachale 21 veka* [“Rejected knowledge”. Research of marginal religiosity in the 20th and beginning of the 21st century], Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.

